

СЬЮ ЛИНН ТАНЬ

Перевод Олеси Норицкой

ДОЧЬ ЛУННОЙ БОГИНИ

Young
Adult

МИОО

Сью Линн Тань
Дочь Лунной богини
Серия «Red Violet. Магия Азии»
Серия «МИФ Проза»
Серия «Небесное царство», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69234565

*Дочь Лунной богини / Сью Линн Тань: Манн, Иванов и Фербер; Москва;
2023*

ISBN 9785001957034

Аннотация

Чарующее приключение бессмертных на основе китайской мифологии, где любовь соперничает с честью, а мечты чреватые предательством...

Синьинь – дочь богини, приговоренной Небесным императором к вечному заточению на Луне. Само существование Синьинь должно оставаться тайной, и когда магия девушки вызывает изменения в ауре Луны, она вынуждена бежать из дома, пообещав однажды освободить и мать.

Синьинь попадает в Небесную империю, где изучает боевые искусства вместе с наследным принцем, столь непохожим на своего отца. В надежде заслужить милость императора

для Лунной богини, она отправляется в путешествие по земле и небу, сталкиваясь с легендарными монстрами и древними драконами. Но когда запретная магия погружает империю в хаос, дочь Лунной богини заключает опасную сделку, рискуя потерять все, что ей дорого.

Для кого эта книга

Для поклонников китайской мифологии, фольклора и легенд.

Для тех, кто хочет прочитать дебютный роман автора, отмеченного самыми авторитетными представителями жанра азиатского фэнтези.

Для читателей Шеннон Чакраборти, Ребекки Куанг и Элизабет Лим.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Часть I

6

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Сью Линн Тань

Дочь Лунной богини

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

DAUGHTER OF THE MOON GODDESS

Copyright © 2022 by Sue Lynn Tan

Published by arrangement with Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers

Designed by Angela Boutin

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается моему мужу Тоби – спутнику жизни и первому читателю.

Я бы не написала эту историю без тебя.

И моим детям, Лукасу и Филипу, за то, что давали мне немного поработать

Часть I

Глава 1

О моей матери сложено много легенд. Кто-то говорил, что она предала своего мужа, великого смертного воина, и украсила эликсир бессмертия, чтобы стать богиней. Другие изображали ее невинной жертвой, проглотившей эликсир, чтобы он не достался вору. Кому бы из них вы ни верили, моя мама, Чанъэ, стала бессмертной. А вместе с ней – и я.

Я хорошо запомнила тишину, царившую в нашем доме на луне. В нем жили только я, верная служанка по имени Пин'эр и мама. Дворец был выстроен из сияющего белого камня, с колоннами из перламутра и покатой крышей из чистого серебра. Просторные комнаты заполняла мебель из коричневого дерева, отчего в воздухе витал пряный аромат. Дворец окружал лес из белого османтуса, среди которого росло одно-единственное лавровое дерево с жемчужными семенами, пленительно мерцающими на свету. Ни ветру, ни птице, ни даже мне не удавалось сорвать их, потому что они цеплялись за ветви так же крепко, как звезды за небо.

Мама проявляла ко мне заботу и любовь, но при этом велела себя отстраненно, словно в прошлом испытала сильную

боль, которая сковала ее сердце. Каждую ночь она зажигала фонари, чтобы осветить луну, а затем выходила на балкон и смотрела на простирившийся внизу мир смертных. Однажды я проснулась перед самым рассветом, а мама все еще стояла там с затуманенным от воспоминаний взором. При виде печали на ее лице я не удержалась и обняла мамини ноги, так как моя голова едва доставала ей до талии. Мама тут же вздрогнула, словно очнулась от сна, и, погладив меня по волосам, отправила обратно в комнату. Ее молчание задело меня. Я заволновалась, что чем-то расстроила маму, хотя она редко сердилась. Но Пин'эр объяснила, что мама не любит, когда ее беспокоят в ночные часы.

– Почему? – спросила я.

– Твоя мать перенесла тяжелую утрату. – Она подняла руку, чтобы пресечь мой следующий вопрос. – Не мне рассказывать об этом.

Стоило подумать, как маме плохо, и самой стало больно.

– Но уже прошло много лет. Мама когда-нибудь оправится?

Пин'эр на мгновение замолчала.

– Некоторые шрамы отпечатываются на наших костях – становятся частью нас и влияют на дальнейшую жизнь. – Заметив уныние на моем лице, она ласково обняла меня. – Но твоя мама сильнее, чем ты думаешь, Маленькая Звездочка. Как и ты сама.

Если забыть про эти краткие моменты грусти, я считала

себя счастливой. Хотя и чувствовала ноющую боль оттого, что в нашей жизни чего-то не хватает. Ощущала ли я себя одинокой? Возможно. Правда, у меня оставалось не так много свободного времени, чтобы беспокоиться об одиночестве. Каждое утро мама обучала меня чтению и письму. Я растирала тушь с небольшим количеством воды ступкой до тех пор, пока не образовывалась глянцевая черная паста, а затем тренировалась выводить иероглифы плавными мазками кисти.

Хотя я наслаждалась каждым моментом, проведенным с матерью, мне больше нравились занятия с Пин'эр. Рисунки у меня получались средними, а вышивка лишь расстраивала, но все это забывалось, когда я погружалась в музыку. То ли струны, перебираемые пальцами, то ли ноты, слетающие с губ, пробуждали в душе эмоции, которые мне не удалось понять. А из-за отсутствия друзей, которые соперничали бы за мое внимание, я быстро овладела флейтой и гуцинем¹ – семиструнной цитрой – и всего за несколько лет превзошла в мастерстве Пин'эр. На пятнадцатый день рождения мама подарила мне маленькую флейту из белого нефрита, которую я повсюду носила с собой на поясе в шелковом мешочке. Она стала моим любимым инструментом, а ее звучание оказалось настолько чистым, что даже птицы при-

¹ Гуцинь – китайский семиструнный щипковый музыкальный инструмент около ста двадцати сантиметров в длину. Считается одним из самых сложных инструментов в мире. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

летали на Луну, чтобы послушать меня. Хотя мне казалось, что им также хотелось посмотреть на мою маму.

Иногда я ловила себя на том, что зачарованно люблюсь ее совершенными чертами. Мамино лицо имело форму дынного семечка, а кожа отливала жемчужным блеском. Изящные брови пролегали дугой над вытянутыми иссиня-черными глазами и изгибались полумесяцем, когда мама улыбалась. В темных прядях ее волос поблескивали золотые заколки, а с одной стороны над ухом благоухал красный пион. Из-под серебристо-белого верхнего одеяния длиной до лодыжек выглядывали ткани цвета голубого полуденного неба. Ее талию стягивал алый пояс, украшенный кистями из шелка с нефритами. Иногда по ночам я лежала в постели и прислушивалась к тихому перезвону. И осознание, что она рядом, помогало быстро заснуть.

Пин'эр уверяла меня, что я похожа на маму, но вряд ли можно сравнивать цветы сливы и лотоса. Моя кожа была темнее, глаза – круглее, а подбородок – более острым и с ямочкой посередине. Возможно, я походила на своего отца. Но я не знала этого наверняка, так как никогда его не встречала.

Лишь годы спустя я поняла, что мама, вытиравшая мне слезы после падений и поправлявшая кисть в моей руке во время уроков письма, была богиней Луны. И именно ей поклонялись смертные и совершали жертвоприношения во время Праздника середины осени – в пятнадцатый день

восьмого лунного месяца, – когда луна сияет ярче всего. В этот день они зажигали ароматические палочки для молитв и готовили лунные пряники, под нежной корочкой которых скрывалась сытная начинка из сладких, перемолотых в пасту семян лотоса и соленых утиных яиц. А дети приносили светящиеся фонарики в форме кроликов, птиц или рыб, символизирующих свет луны. Я же в этот день выходила на балкон и смотрела на мир внизу, вдыхая аромат благовоний, зажженных в честь моей матери, дым от которых возносился к самому небу.

Мама смотрела на людей с такой тоской, что меня и саму заинтересовал мир смертных. В их завораживающих историях описывалась борьба за любовь, власть и выживание – хотя я с трудом могла понять столь яркие переживания, потому что жила в своем укромном мирке. Я читала все, что попадалось под руку, но больше всего любила рассказы о доблестных воинах, сражающихся со страшными врагами, чтобы защитить своих близких.

И вот однажды, копаясь в куче свитков в библиотеке, я заметила что-то яркое. А когда взяла находку в руки, то мой пульс участился от осознания, что я наткнулась на книгу, которую раньше не читала. Судя по грубо сшитому переплету, ее написали смертные. Обложка так сильно выцвела, что едва удалось разглядеть лучника, который целился из серебряного лука в десять солнц на небе. Но внутри шаров слегка виднелись очертания перьев. Точно это были не солнца,

а птицы, свернувшиеся в огненные клубки. Я понесла книгу в свою комнату, ощущая, как покалывает пальцы оттого, что прижимаю хрупкую бумагу к груди. А опустившись в кресло, с энтузиазмом принялась листать страницы и впитывать слова.

История начиналась, как и многие рассказы о героических подвигах, с того, что на мир смертных обрушилось ужасное несчастье. Десять солнечных птиц поднялись в небо, опалая землю и причиняя огромные страдания. На выжженной почве не прорастали посевы, а в пересохших реках не осталось и капли воды. Ходили слухи, что небесные боги благоволили солнечным птицам, поэтому никто не осмеливался бросить вызов этим могущественным созданиям. И в тот момент, когда люди уже потеряли надежду, бесстрашный воин по имени Хоу И взял в руки свой ледяной лук. Он выпустил стрелы в небо и убил девять птиц, оставив лишь одну, чтобы она освещала землю...

Книгу вырвали у меня из рук. Передо мной стояла мама с раскрасневшимся лицом и быстро дышала. Когда она схватила меня за руку, ее ногти впились мне в кожу.

– Ты читала это? – воскликнула мать.

Она редко повышала голос. Я несколько мгновений непонимающе смотрела на нее, а затем кивнула.

Отпустив меня, мама уселась в кресло и прижала пальцы к вискам. Несмотря на страх, что она оттолкнет меня в гнев, я протянула руку, и мама тут же ее сжала. Ее кожа оказалась

холодной, как лед.

– Я сделала что-то не так? Почему мне нельзя читать эту книгу? – запинаясь, спросила я.

Мне эта история не показалась необычной.

Мама так долго молчала, что мне почудилось, будто она не слышала моих вопросов. Но вот наконец мать повернулась ко мне, и ее глаза сияли ярче звезд.

– Ты не сделала ничего плохого. Лучник Хоу И... твой отец.

Перед глазами вспыхнули белые пятна, а в ушах зазвенело от ее слов. В детстве я часто спрашивала об отце. И каждый раз она молчала, а ее лицо омрачалось, пока наконец я не перестала задавать вопросы. Мама хранила в своем сердце много тайн, которыми она не делилась со мной. До этого момента.

– Отец? – Стоило произнести это слово, как в груди все сжалось.

Она закрыла книгу и несколько секунд смотрела на обложку. Испугавшись, что мама сейчас уйдет, я взяла фарфоровый чайник и налила в чашку чай. Он уже остыл, но она без жалоб потягивала его.

– В Царстве мертвых мы любили друг друга, – начала мама тихим и нежным голосом. – И он любил тебя... еще до того, как ты родилась. А сейчас... – Ее слова оборвались, и она заморгала.

Я взяла ее за руку, чтобы успокоить и напомнить о своем

присутствии.

– А сейчас мы разлучены навечно.

Мою голову заполнили скачущие мысли и бушующие эмоции, стало невозможно думать. Сколько я себя помнила, отец присутствовал в моей жизни незримым призраком. Я частенько представляла, как он сидит напротив меня, пока мы едим, или шагает рядом со мной под цветущими деревьями. Но каждый раз, стоило вернуться в реальность, тепло в груди сменялось глухой болью. Сегодня я наконец узнала имя своего отца и то, что он любил меня.

Неудивительно, что мама все это время выглядела подавленной и пойманной в ловушку собственных воспоминаний. Что случилось с отцом? Жил ли он еще в Царстве мертвых? И как мы оказались здесь? Но я проглотила свои вопросы, увидев, как мама вытирает слезы. Конечно, мне хотелось получить ответы, но я не собиралась причинять ей боль ради удовлетворения своего эгоистичного любопытства.

Время для бессмертного – как дождь для бескрайнего океана. Мы вели безмятежную, не обремененную проблемами жизнь, а годы пролетали как недели. И кто знает, сколько десятилетий прошло бы так, если бы однажды меня не закрутило в вихре событий, как лист, сорванный ветром с ветки? Стоял ясный день, и солнечный свет лился в мое окно. Отложив лакированный гуцинь, я прикрыла веки, чтобы передохнуть. И как уже случалось раньше, перед глазами вспых-

нули серебристые огоньки. Они подергивались и дразнили, как это делал каждое утро аромат османтуса, манящий меня в лес. Мне хотелось прикоснуться к ним, но я вспомнила строгий наказ матери.

«Не приближайся к огням, Синъинь, – умоляла она, а ее кожа побледнела до пепельного оттенка. – Это слишком опасно. Поверь мне, стоит чуть подождать, и они погаснут».

Тогда я испуганно пропищала обещание. И на протяжении многих лет старательно держала свое слово. Поэтому всегда, когда серебристые огоньки манили меня, я с усердием думала о чем-то другом – о песне или последней прочитанной истории, – пока разум не прояснялся, а они не исчезали. Но с каждым разом это становилось все труднее, потому что огоньки горели все ярче, а их зов казался все более манящим. Так что желание протянуть руку к ним становилось практически непреодолимым.

И сегодня они сияли очень ярко, словно чувствовали, как слабеет моя решимость и бурлит от волнения кровь. В последнее время это происходило все чаще, а еще добавлялось стремление к тому... чему я не могла подобрать названия.

Возможно, к переменам. Но здесь никогда ничто не происходило. Никогда ничто не менялось.

Огоньки не казались мне опасными. Так, может, мама ошибалась? Она не раз запрещала мне делать вполне безобидные вещи. Например, лазить по деревьям или бегать

по коридорам. Возможно, это считалось опасным в ее детстве, когда она была смертной. Я мысленно приблизилась к огонькам. Подошла ближе, чем когда-либо. Что-то вцепилось в меня, потащило прочь... Страх или чувство вины? Но я, поддавшись безрассудству, разорвала эти путы, словно паутину. И остановилась на границе света, замерла на самом краю. По венам прокатилась энергия, а воздух наполнился шепотками. Поддавшись вперед, я протянула руку... И в тот же миг мерцающее серебро развеялось, как звездный свет на рассвете.

Глаза распахнулись, а по телу расплзлась дрожь. Я не представляла, сколько просидела в оцепенении. За окном вечернее солнце украшало небо тонкими розовыми и золотистыми лентами. Дрожь стихла, а на грудь, словно камень, надавило раскаяние. Я нарушила обещание, данное маме. И самое ужасное то, что мне хотелось сделать это снова.

Потому что огоньки не представляли опасности, они – часть меня... Теперь я осознавала это с поразительной уверенностью. Почему она предостерегала меня? «Надо спросить у нее, – поднимаясь на ноги, решила я. – Я достаточно взрослая, чтобы знать ответ».

Но как только я добралась до входа, по воздуху пронеслась странная энергия, приподняв волосы на затылке. Ауры бессмертных – незнакомых мне – клубились и смешивались, как облака в небе. Мне не удавалось определить, сколько их, хотя одна, казалось, сияла ярче остальных и намного силь-

нее, чем у матери или Пин'эр.

Кто же пришел во дворец?

Но стоило мне раскрыть двери, как в комнату влетела мама. Я отшатнулась назад и врезалась в стул. Неужели она поняла, что я сделала, и пришла, чтобы отругать меня?

Я опустила голову.

– Прости, мама. Огоньки...

Она схватила меня за плечи.

– Забудь про них, Синьинь. Прибыла гостья. Но она не должна знать, что ты здесь и что ты – моя дочь.

Пульс участился от возможности встретиться с кем-то еще. Но затем до меня дошел смысл ее слов – и тон, которым она их произнесла, – и восторг скомкался, как лист бумаги.

– Ты не хочешь знакомить меня со своей подругой?

Ее руки опустились, а черты лица застыли, пока не стало казаться, что оно высечено из мрамора.

– Она не друг, а Небесная императрица. Она не знает о тебе. Никто не знает. И мы не позволим им найти тебя.

Слова, вырвавшиеся в порыве отчаяния, напугали меня, несмотря на тлеющее внутри предвкушение. Я читала, что Небесная империя – самая могущественная из восьми бессмертных земель и расположена, словно драгоценная слеза, в самом сердце Царства бессмертных. Император и императрица обитали во дворце, плавающем в облаках, откуда управляли небожителями и смертными, а также наблюдали за Солнцем, Луной и звездами. За все время, что мы жили

здесь, они ни разу не изъявили желания посетить наш дом. Так что же подтолкнуло их сделать это сейчас?

И почему я должна прятаться?

Странный трепет, зародившийся в животе, протянул ледяные щупальца к моему сердцу.

– Что-то не так? – спросила я, надеясь, что она начнет это отрицать.

Мама нежно коснулась моей щеки.

– Я все объясню позже. А пока посиди в своей комнате и постарайся не шуметь.

Дождавшись моего кивка, она вышла из комнаты и закрыла за собой двери. И только тогда я поняла, что мама так и не ответила на мой вопрос. Я открыла книгу, но, прочитав одну и ту же строчку трижды, опустила ее. Пальцы потянулись к гуциню и дернули струну, но тут же прижали ее к дереву, чтобы заглушить звук. А взгляд скользнул к закрытой двери, подталкиваемый жгучим любопытством, которое затмило страх. Я медленно подошла к ней и слегка приоткрыла створку. Я просто посмотрю одним глазком на Небесную императрицу и быстро вернусь в свою комнату. Когда еще выпадет возможность увидеть одну из самых могущественных бессмертных в царстве? А вдруг она надела корону Феникса, которая, как говорят, сделана из перьев из чистого золота и украшена сотней сияющих жемчужин.

Стараясь двигаться бесшумно, словно тень, я на цыпочках прошла длинный коридор, ведущий от моей комнаты к за-

ду Серебряной гармонии – самой большой комнате во дворце Чистого света – с мраморным полом, нефритовыми лампами и шелковыми портьерами. Этой первозданной элегантности добавляли нотку тепла деревянные колонны с богато украшенными основаниями из серебра. Именно здесь в моем представлении мы бы развлекали гостей, но никто не приходил к нам.

Как только я свернула за угол, раздался тихий голос. Я прислушалась.

– Чаньэ, как поживаешь? – Дружелюбное обращение Небесной императрицы удивило меня.

Да и голос ее звучал не так уж устрашающе.

– Хорошо, Ваше Небесное Величество. Спасибо за беспокойство, – непривычно оживленно ответила мать.

После обмена любезностями на пару мгновений воцарилось молчание. Присев на корточки у стены, я вытянула шею и заглянула в комнату. Мама стояла на коленях, низко склонив голову. А напротив нее, в любимом кресле мамы, судя по всему, сидела Небесная императрица.

Вместо короны на ней оказался замысловатый головной убор, украшенный драгоценными камнями в виде листьев и цветов, которые позвякивали при каждом движении. А пока я зачарованно рассматривала его, один из бутонов распустился, превратившись в орхидею из аметистов. На кончиках пальцев императрицы блестели острые изогнутые чехлы-наконечники из золота, напоминающие когти ястреба.

Серебряная вышивка на ее фиолетовом одеянии отражала струившиеся через окна лучи заходящего солнца. По сравнению с нежной и спокойной аурой мамы ее пульсировала от силы и жара. Императрица ослепляла своей красотой, но при взгляде на ее подведенные губы на фоне белой кожи я невольно подумала о свежепролитой крови на снегу.

Как и подобало любому со столь высоким положением, она пришла не одна. Позади нее возвышалось шесть слуг... в том числе рослый бессмертный мужчина, цвет лица которого оказался темнее, чем у остальных. Его черный головной убор украшали большие камни янтаря, сине-черные одежды стягивал бронзовый пояс, а руки скрывали белые перчатки. Я ничего не знала о Небесном дворце, но, судя по тому, как мужчина держался, он занимал более высокое положение, чем остальные. Однако при этом было в нем что-то такое, что мне не нравилось. Поэтому, заметив, как его светло-карие глаза шарят по комнате, я отпрянула и прижалась спиной к стене.

Императрица заговорила снова, но теперь ее голос звучал резче, чем скрежет осколка неотшлифованного нефрита.

– Чанъэ, мы почувствовали здесь характерный сдвиг энергии. Ты развиваешь тайком от нас способности или скрываешь гостя, нарушая этим условия своего заточения?

Я так напряглась, что плечи свело. Казалось, каждое ее слово сочтется предвкушением, словно гостя упивалась мыслью о проступке мамы. Да, она императрица, но как сме-

ет разговаривать в таком тоне? Мама – Лунная богиня, которую почитает и восхваляет бесчисленное количество смертных! Как ее могли заточить? Это место не только наш дом, это ее владения. Кто зажигал фонари каждую ночь? Для кого раскачивались и шумели деревья, когда она проходила мимо? Как бы она могла так влиять на луну, если бы та не принадлежали ей по праву?

– Ваше Небесное Величество, должно быть, это какая-то ошибка. Как вы знаете, мои силы слабы. Здесь больше никого нет. И никто бы не осмелился прийти, – уверенно ответила мама.

– Министр У, поделитесь своими наблюдениями, – приказала императрица.

Раздались шаркающие шаги.

– Сегодня замечено значительное изменение в ауре Луны. Небывалый случай за все годы исследований. И в этом нет никакой ошибки.

В его спокойном голосе слышались приглушенные нотки волнения. Наслаждался ли он бедственным положением моей мамы, как императрица? От этой мысли внутри разгорелся гнев, заглушая покалывающее беспокойство. Та энергия, что разлилась по моим венам, и шепот, наполнивший воздух, когда я коснулась огоньков... Неужели это привлекло их внимание?

– Надеюсь, наша снисходительность не пробудила в тебе храбрости, – прошипела императрица. – Тебе повезло, что

за кражу эликсира бессмертия мужа тебя всего лишь приговорили к заключению здесь и ты смогла избежать ударов хлыстом из молний и огненным посохом. Но это изменится, если мы обнаружим, что ты продолжаешь обманывать нас. Сознайся во всем сейчас, и, *быть может*, мы вновь проявим милосердие, – заявила она, пронзая громким голосом тишину нашего дома.

Мне удалось заглушить вздох, прижав ко рту кулак. Я никогда не спрашивала маму, как она стала бессмертной: чувствовала, что это причинит ей боль. Но после прочтения «Сказания об огненных птицах» меня мучил один вопрос: где мой отец? И услышав, что эликсир даровали ему, а маму обвинили в его краже... От этого известия у меня свело живот. «Императрица ошибается», – яростно твердила себе я, зарывая предательское зерно сомнений поглубже.

Но мама даже не вздрогнула и не попыталась опровергнуть эти обвинения. Может, она привыкла к такому обращению от императрицы? Когда я вновь заглянула в комнату, то увидела, что мама согнулась пополам, прижав лоб и ладони к полу.

– Ваше Небесное Величество, министр У, возможно, этот всплеск вызван недавним парадом звезд. Созвездие Лазурного Дракона вступило на путь Луны. Наверное, оно и вызвало искажение ауры. Но когда это пройдет, все вновь вернется в привычное русло.

Она говорила как ученый, изучающий небеса, хотя я зна-

ла, что ее не интересовали подобные вопросы.

Вновь воцарилась тишина, прерываемая лишь ритмичным постукиванием золотых когтей по мягкому дереву подлокотника. Но вот императрица поднялась на ноги, и слуги выстроились позади нее.

– Возможно, это и так, но мы придем к тебе снова. Ты слишком долго оставалась без присмотра.

Я обрадовалась, что гости собрались восвояси, несмотря на угрозу, которая скрывалась в тоне императрицы, как туго натянутый шелковый шнур. Не желая слушать дальше их разговор, я прокралась обратно в свою комнату и, завалившись на кровать, уставилась в окно. Последние минуты дня сменились ночью, и небо потемнело до зыбких фиолетово-серых сумерек. Разум оцепенел, но я ощутила момент, когда незнакомые ауры исчезли из дворца. А мгновение спустя мама распахнула дверь.

Ее лицо казалось белее отштукатуренных стен. И мои сомнения развеялись. Я не верила Небесной императрице. Мама никогда бы не предала отца. Даже ради бессмертия.

Я вскочила с кровати и подошла к ней. За прошедшие годы я успела почти догнать ее по росту.

– Мама, я слышала, что сказал императрица.

Она обняла меня и крепко прижала к себе. Положив голову ей на плечо, я почувствовала облегчение оттого, что мама не сердилась на меня, хотя ее тело казалось каменным от напряжения.

– У нас не так много времени. Императрица может вернуться в любой момент вместе с солдатами, – прошептала она.

– Но почему? Мы не сделали ничего плохого. – Желудок скрутило от плохого предчувствия. – Мы пленники? Что императрица говорила про эликсир?

Мама отстранилась, чтобы посмотреть мне в лицо.

– Синъинь, *ты* не пленница. Но я – да. Небесный император даровал твоему отцу эликсир бессмертия в благодарность за убийство солнечных птиц и спасение мира. Но Хоу И не стал пить его. Эликсира хватило бы только на одного, и он не хотел возноситься на небеса без меня. А я как раз забеременела, и наше счастье казалось безграничным. Так что твой отец спрятал эликсир, но я знала, куда именно.

Ее голос оборвался.

– Только мое тело оказалось слишком слабым, чтобы выносить тебя. Целители сказали нам, что ты... что мы не переживем родов. Хоу И не поверил им и не собирался сдаваться, поэтому показывал меня всем, кого находил, в надежде услышать другой прогноз. Но в глубине души я знала, что они говорили правду. – Она замолчала, а вокруг ее глаз появились напряженные морщинки, словно мама погружалась в воспоминания, которые причиняли боль. – Когда его призывали сражаться, я осталась одна. И посреди ночи почувствовала сильную боль, срок был еще маленький. А меня скру-

тила такая агония, что я едва могла кричать. Я испугалась, что умру. Что потеряю тебя.

Она вновь замолчала, и я, не дождавшись продолжения, воскликнула:

– Что случилось?

– Я достала эликсир из тайника, откупорила пробку и выпила все до последней капли.

В комнате повисла такая тишина, что я слышала биение собственного сердца. А руки перестали согревать мамины, потому что стали такими же холодными, как у нее.

– Ты ненавидишь меня, Синъинь? – дрожащим голосом спросила она. – За то, что предала твоего отца?

Императрица говорила правду. От сознания этого на мгновение внутренности скрутило, а тело застыло. Возможно, мы бы выжили, даже если бы мама не приняла эликсир. И моя семья бы не раскололась. Но я знала, как сильно мама любила моего отца и как горько оплакивала его потерю. К тому же я была благодарна, что осталась жива.

Я подавила последние сомнения.

– Нет, мама. Ты спасла нас.

Ее взгляд затуманился, когда она погрузилась в воспоминания.

– Расстаться с твоим отцом... Ох, как же это было больно. Но нужно признать: я не хотела умирать. И не могла позволить умереть тебе. Только позже я узнала, что дары Небесного императора пронизаны невидимыми нитями. Что по-

добные решения не должны принимать смертные. Император разгневался из-за того, что я стала бессмертной вместо твоего отца. А императрица обвинила меня в том, что я обманом заполучила дар, которого не заслужила.

– Ты объяснила им? – спросила я. – Конечно, как только они узнали, что так ты пыталась спасти нас...

– Я не осмелилась. Мне казалось, что императрица затаила обиду на твоего отца. Она даже назвала его неблагодарным, якобы он отказался от подарка императора. И тогда я поняла, что императрица стремилась наказать его, а не наградить за убийство солнечных птиц. Она не задумываясь причинила бы тебе вред. Поэтому я не решилась рассказать им о твоём существовании. Чтобы защитить тебя от их гнева, я скрыла твоё рождение. И созналась в краже. А в наказание меня отправили на Луну... и наложили заклятие, которое приковало меня к этому месту навечно. Я не могу покинуть его, как бы сильно мне этого ни хотелось.

Она замолчала, а затем тихо добавила:

– А если ты не можешь откуда-то сбежать, то даже дворец со временем станет тюрьмой.

Я изо всех сил старалась сделать вдох, а грудь вздымалась как у рыбы, выброшенной из воды. Я считала нашу жизнь безмятежной и не омраченной опасностями, какие встречаются в книгах. Поэтому известие, что мы навлекли на себя гнев самых могущественных среди бессмертных царства, потрясло меня до глубины души.

– Но почему императрица появилась здесь спустя столько времени?

– Ауры пропитаны нашей жизненной энергией, сутью нашей магии – теми огоньками, что ты видишь в своем сознании. И с самого рождения мы старались скрыть твои силы, но, несмотря на наши усилия, императрица почувствовала их сегодня.

Ком подкатил к горлу.

– Я не знала. Это все моя вина.

Как же глупо и безрассудно я поступила! Из-за скуки я проигнорировала предостережение мамы, нарушила свое обещание и подвергла нас серьезной опасности.

– В этом есть и моя вина. Я *не* разрешала тебе прикасаться к магии, но не объяснила, почему... не рассказала, что это привлечет к тебе внимание Небесной империи. – Она вздохнула. – Это все равно когда-нибудь бы произошло. С каждым годом ты становишься сильнее. Но если они узнают о тебе, то наше наказание будет суровым... в этом можно не сомневаться. Я боюсь не столько за себя, сколько за то, что они сделают с *тобой*, бессмертным ребенком, который не должен был появиться на свет.

– Что мы будем делать?

– Есть лишь один вариант. Ты должна покинуть это место.

Страх расплзся по коже, как лед по глади озера. Возможно, я больше никогда не увижу маму... И это испугало меня.

– Почему мне нельзя остаться с тобой? Я спрячусь. Научи

всему, что для этого требуется.

– Нет. Ты слышала слова императрицы. Теперь они станут следить за нами еще пристальней. Уже слишком поздно.

– Может, твои слова убедили их и они не вернуться? – Отчаянные мольбы, детские надежды.

– Возможно, я выиграла нам немного времени. Но императрица не появилась бы здесь по собственной прихоти. Они вернуться. И очень скоро. – В ее голосе проскользнули хриплые нотки от переизбытка эмоций. – Мы не сможем защитить тебя. Мы недостаточно сильны.

– Но куда я пойду? И когда увижу тебя снова?

Каждое слово было словно удар молота, придающий форму обретающему плоть кошмару.

– Пин’эр отвезет тебя к своим родственникам, живущим у Южного моря. – Теперь ее голос звучал уверенно, словно она пыталась убедить нас обеих. – Я слышала, что океан прекрасен. Тебе там понравится, а над головой не будет нависать угрожающая нам туча.

Пин’эр рассказывала мне о дальних землях, подстегивая мое воображение, которое жаждало приключений. Великий океан делился на четыре части и омывал восточное побережье, сливался с морем на юге, бился о скалы на западе и соединялся с водами на севере. Меня завораживали ее рассказы о существах, которые жили в сверкающих городах под водой или на золотых берегах. И я мечтала побывать там.

Но *никогда* даже представить не могла, что придется по-

кинуть дом в одиночестве. Какой смысл в приключениях, если их не с кем разделить? Мама обхватила ладонью мою руку, возвращая меня в настоящее.

– Ты никогда и никому не должна говорить, кто ты. У Небесного императора везде есть уши. И он воспримет твое существование как оскорбление, не заслуживающее снисхождения.

Она требовала от меня ответа и сверлила глазами, пока я не выдавила из себя обещание. Наклонившись ко мне, мама застегнула что-то у меня на шее. Золотую цепочку с маленьким кулоном в виде нефритового диска цвета осенних листьев с вырезанным на нем драконом. Потерев пальцами прохладный камень, я нащупала тонкую трещину на ободке.

– Он принадлежал твоему отцу. – Ее глаза стали темными, как безлунная ночь. – Никому не говори, кто ты такая. Но не забывай, чья ты дочь.

Мама прижала меня к себе и погладила по волосам. Я трусливо опустила голову, не желая видеть, как она уходит, и молясь, чтобы этот момент продлился вечно. Но вот мама коснулась моей щеки костяшками пальцев, и не осталось ничего. Кроме ноющей пустоты.

Присев на пол, я обхватила руками колени. Как же мне хотелось кричать, выть и колотить кулаками по полу. Стараясь заглушить хриплые рыдания, я прижала ладонь ко рту, но тихие слезы... Я позволила им стекать по лицу. За один вечер, который требуется лунному цветку, чтобы распуститься

и завянуть, моя жизнь перевернулась с ног на голову. А жизненный путь, который казался прямой дорогой, свернул в дебри... где я заблудилась.

Наступившая ночь погрузила комнату в темноту. Но луна все еще скрывалась в тени, потому что фонари не зажгли. Сегодня она взойдет с опозданием.

А значит, у меня не так много времени на побег. Мне не хотелось, чтобы меня нашли, раз за это накажут маму и Пин'эр. Конечно, бессмертные не могут умереть, но от одной мысли о молниях и огне, которыми грозила императрица, тело сжималось от ужаса.

Пин'эр помогла мне завернуть вещи в широкий отрез.

– Здесь немного и все из обычных тканей, чтобы не вызывать подозрений. – Ее глаза покраснели от слез, но, поняв по моему лицу, что я все еще потрясена, она добавила: – Ты будешь в безопасности на землях у Южного моря. И так же надежно затеряешься, как звездочка посреди ночного небосклона. Моя родня позаботится о тебе и научит всему, что нужно знать.

Она связала концы ткани узлом в виде лямки, которую и повесила мне на плечо.

– Идем?

Я не хотела. И все еще пыталась осознать происходящее. Но кивнула. Что мне оставалось? Я даже не могла корить судьбу, ведь *сама* навлекла на нас эти беды.

Когда мы с Пин'эр вышли из дворца и направились на во-

сток, в лес османтуса, я в последний раз обернулась. Никогда дом не казался мне более прекрасным, чем в этот момент, в который впитывала своим разумом каждый изгиб, каждый камень. Землю освещали тысячи фонарей, серебряная черепица отражала звезды. А на балконе, откуда я смотрела на мир внизу, стояла стройная фигура в белом.

Но взгляд матери сейчас был направлен не на мир смертных, а на меня. А рука приподнята в прощальном жесте. Не обращая внимания на Пин'эр, которая настойчиво тянула меня за рукав, я опустилась на колени и прижалась лбом к мягкой земле. Губы шевельнулись в безмолвной клятве: «Я вернусь и вызволю маму». Я не знала, как это сделать, но собиралась приложить все возможные усилия. Все закончится *не* так. Я последовала за Пин'эр к облаку, которое должно было унести нас. И сердце пронзила такая острая боль, что стало ясно: оно расколосось. И лишь тонкая нить надежды не давала ему разлететься на куски.

Глава 2

Легкие наполнил бодрящий воздух, свежий, но совершенно пустой, без аромата специй. Когда облако понеслось по небу, я пошатнулась и ухватилась за руку Пин'эр. Без света фонарей ночь казалась жуткой. Еще утром страх казался мне чуждой эмоцией, а теперь из-за него перехватывало дыхание. К счастью, влажные очертания облака не прогибались

у меня под ногами, а держали бы так же уверенно, как земля... если бы не бушующий вокруг ветер.

До Южного моря было далеко. Нам предстояло миновать границы Небесной империи, пролететь над пышными лесами империи Феникс и над Золотой пустыней в виде огромного полумесяца из бесплодного песка, которая граничила с пугающим Царством демонов. Смогу ли я отыскать дорогу домой? И тут меня осенило: возможно, они и не предполагали, что я когда-нибудь вернусь.

Вдалеке показалось море огней, отвлекая меня от мрачных мыслей.

– Небесная империя, – прошептала Пин'эр.

Внезапно налетел порыв ветра. Она оглянулась, и ее лицо побледнело. Я обернулась и всмотрелась в ночное небо. За нами несло большое облако, на котором виднелись неясные фигуры шести бессмертных. Их доспехи отражали белый и золотистый свет, но черты лица скрывала темнота.

– Солдаты! – ахнула Пин'эр.

Сердце бешено заколотилось в груди.

– Они ищут нас?

Она притянула меня к себе.

– На них небесные доспехи. Значит, их отправила сюда императрица. Ложись! Спрячься! Я попытаюсь оторваться от них.

Я зарылась в прохладные изгибы облака, стараясь скрыться из виду. В душе я порадовалась, что больше не вижу сол-

дат, но от страха перед неизвестностью по коже расползлись мурашки. Пин'эр закрыла глаза, и тонкая струйка света вырвалась из ее ладони. До сегодняшнего вечера я никогда не видела, чтобы она использовала магию. Наверное, раньше служанка не видела в этом необходимости. Наше облако устремилось вперед, но вскоре снова замедлилось.

На коже Пин'эр бисеринками выступил пот.

– Не могу заставить облако двигаться быстрее, мои силы слишком малы. Если они поймают нас... то узнают, кто мы.

– Они близко? – Я повернулась посмотреть назад и тут же пожалела об этом.

Сверкающая сталь в руках солдат виднелась все ближе. Скоро нас настигнут. Кто-то из них может узнать Пин'эр и начнет задавать вопросы. Я не умела лгать, потому что никогда не практиковалась в этом искусстве. Хватало одного строгого взгляда мамы, чтобы я все выкладывала как на духу.

Разум наполнили пугающие образы: солдаты врываются в мой дом и вытаскивают маму в цепях. Потрескивающий от молний хлыст опускается на ее спину, рассекая кожу, а кровь окрашивает белый шелк халата. Жгучая желчь подступила к горлу, не давая сглотнуть. Я не могла позволить им поймать нас. Не могла допустить, чтобы мама и Пин'эр пострадали. Но какой бы слабой я себя ни считала, в голове возникал только один вариант, как избежать беды. И возможно, это окажется последним, что мне доведется сделать.

– Пин'эр, высади меня здесь, – стиснув зубы до боли, вы-

давила я.

Она уставилась на меня так, словно я сошла с ума.

– Нет. Это Небесная империя! Мы должны добраться до Южного моря. Должны...

Мое спокойствие пошатнулось. И я со всей силы дернула ее за руку, утягивая вниз.

– Мы не сможем сбежать от них. А как только они нас схватят, то накажут всех. Я... я думаю, нам стоит разделиться. Ты останешься на облаке, я все равно не умею им управлять. Так у нас появится хоть какой-то шанс, Пин'эр!

Да и какой у нас имелся выбор? У меня даже надежды не осталось на то, что нам удастся сбежать обеим. Как бы я ни старалась, унять дрожь не получалось.

Пин'эр покачала головой, но я не отступала.

– Мне ничто не грозит в Небесной империи, пока они не поймут, кто я такая. Я обещала маме, что никому не расскажу об этом, и собираюсь держать рот на замке. Я найду где спрятаться. И вдруг без меня тебе удастся сбежать от солдат? – тараторила я в спешке.

А через мгновение нас и вовсе лишили выбора.

Ночное небо прорезал летящий в нашу сторону луч света. Наше облако содрогнулось и резко свернуло в сторону. Жар опалил руку, но Пин'эр вскинула сияющую ладонь, и пламя тут же погасло. Закричав, она упала рядом со мной.

– Они атакуют, – недоуменно сказала служанка и прижала светящиеся ладони к облаку, вновь ускоряя его.

Меня охватил ужас, но я не собиралась поддаваться ему. Не сейчас, когда на счету каждая секунда.

– Пин’эр, это единственный вариант. Мы не можем позволить им поймать нас, – настойчиво и уверенно повторила я, совсем не походя на ребенка, который умоляет, чтобы его выслушали. – Я тоже имею право голоса.

Внезапно на ее лице отразилась мрачная решимость. Служанка указала на плотную грядку облаков вдалеке.

– Там... я спущусь так низко, как только смогу. И прикрою тебя во время падения.

Несмотря на успокаивающие слова, что-то меня встревожило. Ее дыхание стало резким, тяжелым. А кожа покрылась испариной. Она болеет? Но это невозможно. Бессмертные не подвержены недугам.

– Пин’эр, ты ранена? Огонь...

– Просто немного устала. Не беспокойся.

Я перекатилась на бок и заглянула за край облака, пока мы неслись вперед. Голову уже занимали мысли о предстоящих опасностях – от пустоты внизу до пронизывающих темноту лучей. Красиво. Пугающе. Приподнявшись, я обняла Пин’эр и крепко прижала ее к себе. Желая, чтобы мне не пришлось отпускать ее. Желая столько всего, что никогда не сбудется.

Она вцепилась в меня с нескрываемым отчаянием, и в тот же момент мы нырнули в облачную грядку. Капли ледяной воды коснулись кожи, а влага пропитала одежду. Когда мы спустились ниже, меня пронзил холод, пробирая

до самых костей. Я разогнулась и поднялась, но ноги тут же задрожали подо мной. Пин'эр положила руку мне на плечо, цвет ее кожи напоминал остывший пепел. Воздух замерцал, и мое тело начало слегка покалывать.

– Щит смягчит твоё падение. Но ты все равно почувствуешь боль. Так что будь осторожна. – Дрожащими руками она перекинула маленький узелок мне через плечо.

– Ты попытаешься вернуться, как только опасность минует?

Я цеплялась за эту хрупкую надежду, стараясь собрать остатки решимости и пытаюсь не расклеиться окончательно.

Слезы наполнили ее глаза.

– Конечно. Но если я...

– Я найду дорогу обратно. В один прекрасный день, когда буря стихнет, – поспешно заверила я.

– Ты обязательно сделаешь это. Ради своей матери. – Она резко выдохнула. – Готова?

Нервы так сильно натянулись, что казалось, я вот-вот взорвусь. Нет, я не была готова... прыгнуть в неизвестность, разорвать последнюю нить, связывавшую меня с домом. Но если не сделаю это сейчас, если поддамся охватившей меня панике, если позволю себе хоть тень сомнения – то лишусь тех крупниц, что у меня пока остались. Повернувшись лицом к Пин'эр, я заставила свои негнущиеся ноги шагнуть назад, к краю. Потому что предпочла напоследок видеть ее, а не зияющую пустоту внизу.

– Давай! – воскликнула она, и от внезапного прилива сил ее глаза засверкали.

Я шагнула назад... но в последний момент заметила, что голова Пин'эр дернулась и ее тело рухнуло на облако. А я уже падала сквозь черную пустоту неба. Ветер выбил все мысли из головы, поглощая крик, который вырвался из горла, и хлеща по лицу и конечностям, пока те не стало жечь. Одежда взвилась надо мной облаком шелка. Ветер бил так сильно, что не удавалось вздохнуть, отчего легкие стали гореть. Рев в ушах заглушил все, кроме бешено колотящегося сердца.

Но я не сводила глаз с замершего облака, которое сейчас напоминало крошечное пятнышко. Оно все еще стояло на месте. Пин'эр упала в обморок? «Двигайся!» – беззвучно закричала я, когда солдаты бросились к ней. Ужас сковал внутренности, а руки потянулись – несмотря на всю тщетность, – чтобы схватить... что-то внутри меня. Кожу начало покалывать, обдало жаром, потом холодом, после чего сверкающая волна воздуха устремилась сквозь пустоту к облаку Пин'эр. Оно заискрилось, а затем умчалось прочь и исчезло за горизонтом.

Я рухнула на землю, и тело тут же пронзила боль, сил хватало лишь на то, чтобы лежать. Из груди вырвался вздох, а из глаз полились слезы, смешиваясь с потом, который стекал по коже. Пальцы погрузились в мягкую траву, и вместе с судорожным вдохом ноздри наполнил аромат цветов. Сладкий, но я осталась к нему равнодушна. Прижав ладони к земле,

я приподнялась. Тело болело и ныло, но в основном я не пострадала. Чары Пин'эр защитили меня от худшего.

Я думала, что спасаю ее, а она помогла мне, наплевав на собственную безопасность. Смогла ли Пин'эр убежать? Угрожает ли что-то маме? А *мне*? Короткими, рваными вдохами я пыталась наполнить легкие, но это удавалось с трудом. Бессмертные не болели и не старели, однако могли пострадать от оружия, различных существ и магии. Какой же глупой я была, считая, что эти опасности никогда нас не коснутся. А теперь... Я свернулась в клубок и обхватила руками колени, с губ сорвался пронзительный вскрик, как у раненого животного. «Глупая», – снова и снова проклинала я себя за то, что навлекла на нас эти беды, пока наконец не сжала губы, чтобы заглушить стенания.

Не знаю, как долго я пролежала там, но горло начало саднить от пережитого горя. А еще я боялась за себя, мысли о жестоких солдатах и свирепых животных переполняли разум. Откуда мне было знать, что скрывается в темноте? Нервы сдавали, превращая меня в плачущую развалину, но тут я заметила блики света. Подняв голову, я уставилась на луну, впервые увидев ее издалека. Красивая, сияющая и успокаивающая. Я вздохнула с облегчением, утешаясь мыслью, что если луна вошла на небе, значит, мама разожгла фонари и с ней все в порядке. В сознании всплыло воспоминание, как она шагала по лесу, а ее белое платье поблескивало в темноте. Израненное сердце сжалось от тоски, но я собра-

ла последние душевные силы, чтобы вновь не погрузиться в пучину жалости к себе.

Мое внимание привлекли яркие вспышки – мерцающие огоньки, танцующие в полуночной синей глубине. Не их ли я иногда видела сверху? И в тот момент мне вдруг пришло в голову, что земля подобна зеркалу, в котором отражаются звезды, вытканные на ночном покрывале. Но их непривычная красота еще и причиняла боль, напоминая, что я больше не дома. Я смотрела на луну, пока боль не утихла. А затем наконец провалилась в сон без сновидений на холодной твердой земле.

Кто-то похлопал меня по руке. Мама? Неужели все произошедшее – лишь ужасный сон? Вспыхнувшая надежда рассеяла дымку сна. Глаза раскрылись, но я тут же заморгала от яркого света. Кружащиеся огоньки исчезли, а их место заняли розовые рассветные облака.

Рядом со мной на корточках сидела женщина, а неподалеку стояла корзина. Рука незнакомки с теплой, но сухой кожей, напоминавшей бумагу для фонариков, лежала на моем локте.

– Почему ты спишь здесь? – Она нахмурилась. – У тебя все в порядке?

Я резко села, глотая стон от пронзившей спину боли. Мне едва удалось кивнуть в ответ. Нахлынувшие воспоминания вызвали чувство беспомощности.

– Тебе следует быть осторожнее. И лучше отправиться домой. Прошлой ночью здесь что-то произошло, поэтому солдаты обходят район. – Она поднялась на ноги и взяла корзину.

От услышанного все внутри скрутило узлом. *Что-то произошло? Солдаты?*

– Подождите! – воскликнула я, но замолчала, не зная, как продолжить, и не желая оставаться в одиночестве. – Что случилось?

– Какое-то существо прорвалось сквозь защиту. И стражники бросились в погоню. – Она вздрогнула. – В последние годы здесь часто появляются лисьи духи. Хотя, говорят, это мог быть демон, пытавшийся похитить детей Небесной империи для своих злодеяний.

Один из монстров Царства демонов? И тут до меня дошло, что стражники искали меня. Что именно меня посчитали демоном. Я бы посмеялась, если бы не вспыхнувший внутри страх. Пин’эр, наверное, не знала о защитных чарах.

– Кого-нибудь поймали? – Мой голос прозвучал еле слышно и пискляво.

– Пока нет, но не стоит переживать. Наши стражники – лучшие в царстве. Они схватят нарушителя в мгновение ока. – Женщина подарила мне ободряющую улыбку, а затем спросила: – Что ты здесь делаешь в такой час?

Я вздохнула с облегчением. Пин’эр удалось сбежать! Но хотя я пролежала здесь несколько часов, она так и не вер-

нулась за мной. Неужели тот штормовой ветер, что налетел на облако, отнес ее слишком далеко?

И это подтолкнуло меня к еще одной мысли. Неужели та сила исходила от *меня*? Смогу ли я сделать подобное снова? Нет, не стоит даже думать об этом. Пока моя магия не принесла ничего хорошего, к тому же нельзя рисковать и привлекать к себе внимание. Я вздрогнула, осознав, что женщина пристально смотрит на меня, так как ее вопрос остался без ответа. Конечно, она не подозревала меня, предполагая, что суматоху вчера навел страшный зверь или демон. Но не стоило давать ей поводов для сомнений.

– Мне некуда идти. Я... меня уволили из дома, где я работала. А потом я упала и потеряла сознание.

Рассказ вышел нескладным, а голос дрожал. Язык просто не привык произносить такую наглую ложь. Но черты лица женщины смягчились. Возможно, она почувствовала страдание, льющееся из меня, как волны, захлестывающие на берег после обильного дождя.

– Клянусь Четырьмя морями, некоторые представители знати ужасно вспыльчивые и эгоистичные. Ну, все не так уж плохо. Ты еще найдешь другое место. – Она склонила голову набок. – Я работаю в резиденции Золотого лотоса. И слышала, что молодая хозяйка ищет новую служанку. Если тебе нужно место.

Ее доброта растопила холод страданий. И разум лихорадочно заработал. Путешествие в одиночестве явно вызовет

подозрение. Я не понимала, как мне удавалось думать о таких обыденных вещах, но что-то внутри меня ожесточилось. Горе стало роскошью, которую я едва ли могла себе позволить после того, как упивалась им половину ночи. Мне бы хотелось пожалеть себя, но тогда жертвы окажутся напрасными. Я могу притаиться здесь, а затем как-нибудь добратся до дома. И неважно, сколько времени на это потребуется: год, десятилетие или век.

– Спасибо. Благодарю за вашу доброту.

Я склонилась в пояском поклоне, не зная, как еще отблагодарить, ведь дома мы никогда не придерживались церемоний. Но, казалось, это доставило женщине удовольствие, потому что на ее лице появилась улыбка, а затем незнакомка пригласила жестом следовать за ней.

Остаток пути прошел в тишине. Мы миновали бамбуковую рощу, перешли серый каменный мост, перекинутый через реку, и подошли к воротам большого поместья. Прямо под крышей висела черная лакированная табличка с позолоченными иероглифами:

金莲府

РЕЗИДЕНЦИЯ ЗОЛОТОГО ЛОТОСА

Передо мной раскинулась обширная усадьба, состоящая из лабиринта зданий и просторных дворов. Изогнутые крыши из темно-синей черепицы поддерживали красные колонны. А воздух наполнял пьянящий аромат лотосов, которые росли в прудах. Я следовала за женщиной по длинным переходам, освещенным фонарями из розового дерева, пока мы не добрались до большого здания. Оставив меня у двери, моя спасительница подошла к краснолицему мужчине и заговорила с ним. Кивнув, он направился ко мне, и я тут же выпрямилась и разгладила складки на платье.

– Ах, какая удача! – воскликнул мужчина. – Наша юная хозяйка, госпожа Мейлин, только вчера отчитала меня за то, что я не подыскал новую девушку. Хотя мне трудно понять, почему она не может обойтись тремя слугами, – обведя меня оценивающим взглядом, пробормотал он. – Ты раньше работала в большом доме? Какими обладаешь навыками?

Я с трудом сглотнула, вспоминая о своем доме. Конечно, я не прохлаждалась весь день, а помогала, когда появлялась необходимость.

– Не в таком большом, как этот, – наконец отважилась признаться я. – И буду благодарна за любое место, которое вы предложите. Я умею готовить, убирать, музицировать и читать.

Да, подобными навыками никого не впечатлить, но его устроил мой ответ.

И вот следующие несколько дней я потратила на обучение новым обязанностям, начиная с заваривания чая по вкусу госпожи Мейлин и заканчивая приготовлением ее любимых миндальных пирожных. Также мне предстояло заботиться о ее нарядах, часть которых была украшена такой изысканной вышивкой, что, казалось, оживала от малейшего прикосновения. А еще я должна была полировать мебель, стирать постельное белье и ухаживать за садом. Я вставала с рассветом, а ложилась лишь поздней ночью и уставала так сильно, что даже не могла пошевелить языком и попросить облегчить мне работу.

Куда больше, чем труд, меня огорчали здешние правила: пониже опускаться в поклоне, помалкивать, пока не спросят, не садиться в присутствии госпожи, не раздумывая подчиняться каждому ее приказу. Каждое из них не только расширяло пропасть между госпожой и прислугой, но и втоптывало мою гордость в грязь, напоминая о необходимости притворяться человеком низкого происхождения и о том, что я лишилась единственного дома.

Это могло бы ранить, но мое сердце уже отяжелело от горя, а разум наполняли заботы гораздо более серьезные, чем ноющие ноги или исцарапанные ладони. Так что я даже радовалась, что мне приходилось выполнять столько тяжелой работы и не оставалось времени упиваться своими страда-

ниями.

Когда домоправитель наконец посчитал мои результаты удовлетворительными, меня направили к госпоже Мейлин и трем ее служанкам, с которыми мне предстояло делить комнату. Я понимала, что она, судя по всему, требовательная хозяйка, но надеялась, что четырех нас окажется достаточно. Когда я со своей сумкой вступила в комнату, девушки в платьях цвета зеленой ивы поверх белого нижнего костюма готовились к началу нового дня. Одна из них помогала второй завязать желтый пояс вокруг талии. А милостивая девушка с ямочками на щеках втыкала в волосы медную заколку в форме лотоса, которую нас всех обязывали носить. При этом все три оживленно болтали, как давние знакомые. Несмотря на довлеющие надо мной страдания, в груди вспыхнула искра. Возможно, у меня наконец получится завести друзей, о которых я так долго мечтала.

Девушка с ямочками на щеках повернулась ко мне.

– Ты новенькая? Откуда родом?

– Я... я...

История, которую помогла мне придумать Пин'эр, давно забылась. А под тяжестью их пристальных взглядов к щекам прилил жар.

Ее подружки захихикали, а их глаза заблестели, как омытые дождем камни.

– Цзяи, – окликнула одна из них девушку с заколкой, – кажется, она потеряла голос.

Цзяи пронзила меня взглядом, а ее рот скривился, словно она увидела что-то неприятное. Ей не понравилась моя прическа или что на моих талии, запястьях и шее нет украшений? Или что моя осанка не такая прямая, как у нее, и мне не хватает присущей ей уверенности в себе? Все это лишь подчеркивало простую истину: я здесь чужачка и не принадлежу этому миру.

– Кто твои родители? Мой отец занимает здесь должность главного стражника, – заявила она с явным превосходством.

Мой отец всего лишь убил огненных птиц. А мама зажигает Луну.

Это заявление стерло бы самодовольство с ее лица. Но мне удалось подавить столь безрассудный порыв. Конечно, я бы испытала мимолетное удовольствие, но уже через минуту меня бы заклеямили обманщицей или вовсе бросили в тюрьму. А если и поверили бы, это поставило бы маму и Пин’эр под удар.

– У меня здесь нет семьи, – наконец выдала я самый безопасный ответ.

Мои слова породили еще больше презрения ко мне, я видела его проблески во взглядах, которыми они обменялись. Теперь троица знала, что меня некому защитить.

– Как скучно. И где только тебя отыскал домоправитель? На улице? – отворачиваясь, фыркнула Цзяи.

Остальные последовали ее примеру и вновь начали щебетать о своем, как стая птиц. В животе словно лед застыл. Я

не понимала, чего они от меня ожидали... но вряд ли ошибалась в том, что они сочли меня недостойной, не заслуживающей уважения. На негнущихся ногах я прошла в дальний угол и опустила узелок с вещами на пустую кровать. Девушки шутили и смеялись, и от их веселья мне становилось еще больнее. Почувствовав, как в горле образовался ком, я поспешила наружу, чтобы собраться с духом. Меня злило, что приходится убегать, но и плакать при них я не собиралась.

«Прибереги свои слезы для более важных поводов», – приказала себе я, прежде чем вернуться в комнату. Но стоило мне войти, как девушки резко повернулись, и в комнате воцарилась тишина. В этот момент я заметила, что мой узелок развязан, а его содержимое разбросано по полу. Воздух в комнате пропитывала неприязнь, пока я ползала по полу, собирая свои вещи. Кто-то из девушек захихикал, и у меня загорелись уши от этого звука. «Как это по-детски. Мелочно», – кипела я. Но ох как жгло унижение! И как же мне повезло, что до этого дня я знала только любовь и привязанность. В детстве меня до ужаса пугали злобные монстры из книг. Но сейчас я поняла, что стоит не меньше опасаться ухмылки, напоминающей острую косу для травы, и слов, которые ранят в самое сердце. Никогда бы не подумала, что существуют люди, которые гордятся тем, что попирают других и наживаются на их страданиях.

Внутренний голос тихо напоминал, что меня действительно подобрали с улицы и я не обладаю какими-либо навы-

ками или связями, которыми можно было бы похвалиться. Возможно, если бы я придержала язык и не нарывалась, то со временем девушки приняли бы меня в свою компанию. К тому же я так устала, что мне просто хотелось оставить все как есть. Кого волнует, что они одержали верх? Да и так ли важны достоинство и честь? Особенно по сравнению с тем, что я потеряла.

Но что-то внутри противилось этим мыслям. Нет, нахалки не опозорили меня. И я не стану унижаться или льстить, чтобы завоевать их благосклонность. Лучше оставаться одиночкой, чем дружить с такими, как они. И хотя в тот момент я чувствовала себя ничтожнее букашки, мне все же удалось вздернуть подбородок и встретиться с ними взглядом.

На красивых чертах лица Цзяи отпечаталось презрение, но в глазах, которые она поспешно отвела в сторону, читалось беспокойство. Неужели она ожидала, что я тут же сбегу или сольюсь с тенью? Меня порадовало ее разочарование. Да, они задели меня, но я не собиралась это показывать. Только от меня зависело, как сильно ранит враждебность. Я вырвала свою гордость из-под их туфель, потому что... это все, что у меня осталось.

Глава 3

Беседка располагалась во внутреннем дворе, между деревьев, с которых гроздьями ниспадали цветущие лианы си-

рeneuveвой глицинии. Я стояла позади госпожи Мейлин, которая сегодня надела розовое парчовое платье с блестящими цветами на длинных рукавах и подоле. Вышивка оказалась настолько изысканной, что лепестки то принимали темно-красный оттенок, то серебрились. Это несказанно меня удивляло. В гардеробе госпожи Мейлин имелось бесчисленное количество нарядов, но такие платья сами по себе редкость. Только самые искусные швеи могли зачаровать свое творение так, чтобы оно демонстрировало способности владельца.

В мои обязанности входило не только прислуживать госпоже Мейлин, но и поддерживать чистоту в ее комнатах и во дворе и ухаживать за ее одеждой: платьями, плащами и поясами из шелка, атласа и парчи. Поначалу это казалось приятной, хоть и утомительной задачей. Но вскоре я поняла, что именно мне предстояло выслушивать большую часть ее недовольства всякий раз, если что-то оказывалось не на своем месте либо находилась малейшая царапинка или пылинка. А что еще хуже, все наряды госпожи выбирала Цзяи, отчего нескончаемый поток жалоб и требований лишь увеличивался.

Вероятно, почувствовав, что я задумалась, госпожа Мейлин поджала губы и бросила на меня взгляд.

– Чай, – коротко сказала она.

Я поспешила наполнить ее чашку, и над ней начал клубиться ароматный пар.

По двору пронесся сильный порыв ветра, осыпая траву лепестками. Госпожа Мейлин, нахмутив брови, пригладила свои трепещущие рукава, словно ее раздосадовало, что ветер посмел испортить ей утро.

– Синъинь, принеси мой плащ, – потребовала она. – Из персикового шелка с золотым подолом. И смотри не перепутай.

Я поклонилась, борясь с желанием заскрежетать зубами. Несмотря на юный возраст, госпожа Мейлин обладала властным нравом тысячелетней праматери.

С моего появления здесь прошло лишь несколько месяцев, но от теплоты, которую мне дарили близкие, остались лишь жалкие воспоминания. Я не нарушила обещания и все еще скрывала свое происхождение, но при этом не забывала о родных. Прислушиваясь ночью к размеренному и глубокому дыханию соседок, я позволяла себе мысленно переместиться в сияющие залы дома. Но тут же попадала в объятия кошмара, как маму и Пин'эр хватают солдаты. Как возвращаюсь домой и вижу, что там никого нет, а от дворца остались лишь руины. Неудивительно, что я частенько просыпалась в поту, и лоя ртом воздух, который с трудом проникал в стесненную грудь.

Другие служанки считали себя выше по происхождению и недолюбливали меня. Их презрение я встречала с высоко поднятой головой, хотя они и усложняли мне жизнь бесчисленными мелкими проделками: мешали работать, высмеи-

вали каждое слово и рассказывали небылицы обо мне госпоже. А она так часто отправляла меня преклонить колени во дворе, что я иногда ощущала себя одним из высеченных из камня львов, которые охраняли вход. Но я не собиралась жаловаться. Все лучше, чем сидеть в тюрьме или оказаться выпоротой пылающим хлыстом. Да и неудобство от позы задевало не так сильно, как унижение. Каждый раз я сглатывала слезы до тех пор, пока не начинало казаться, что смогу на вкус определить, какие пролиты от издевательств, а какие приправлены солью печали.

Я поспешила в комнату госпожи Мейлин и принялась лихорадочно искать плащ. Ее терпение быстро иссякало, а характер оказался таким же вспыльчивым, как фейерверки, которые смертные запускают во время праздников. Наконец я увидела наряд небрежно лежащим на стуле. Но когда подняла, то облегчение тут же растворилось при виде темного пятна от туши, которая, поблескивая на свету, пропитывала ткань. Не раздумывая, я уронила плащ обратно, чтобы не испачкаться, и воскликнула:

– Да как же так?

В этот момент в комнату вошла Цзяи и с улыбкой посмотрела на испорченную ткань.

– В том, что ты неспособна поддерживать одежду юной хозяйки в чистоте, стоит винить лишь себя.

Она презрительно взмахнула рукой, и я тут же напряглась, потому что заметила на одном из ее пальцев темное пятно.

– Это сделала ты, – решительно заявила я.

И почему это меня так удивило?

Ее щеки покраснели, но она лишь выше задрала подбородок.

– Да кто тебе поверит?

Это стало последней каплей в чашу бурлящего гнева, которая наполнялась последние месяцы.

– Из-за таких выходов ты выглядишь не лучше, а *хуже* тех, над кем издеваешься, – прошипела я.

Цзяи отступила на шаг. Она испугалась, что я накинусь на нее? Вот только мне хотелось извинений, признания вины, а не насмешливых улыбок от нее и ее приспешниц.

Но меня лишили даже этого, так как в комнату ворвалась госпожа Мейлин.

– Что ты возишься? Я начала замерзать из-за ветра!

Ее взгляд скользнул к плащу на полу, а рот раскрылся.

Цзяи опомнилась первой, широко распахнула глаза, изображая невинность, подняла персиковую ткань и расправила ее, чтобы продемонстрировать пятно.

– Юная госпожа, Синьинь пролила на него тушь. Она испугалась и уговаривала меня скрыть это от вас.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Госпожа Мейлин всегда занимала сторону своей любимой служанки. Но в этот раз у меня имелись доказательства своей невинности.

– Цзяи ошибается. Я этого не делала и нашла плащ уже

в таком виде. Юная госпожа может поискать на нас пятна от туши.

Цзяи побледнела и спрятала руки в шелковых складках плаща. Но ее беспокойство оказалось напрасным, так как госпожа Мейлин сощурилась, словно кошка, которую погладили против шерсти. Я ей не нравилась, скорее всего, из-за небылиц, которые распускали другие служанки.

– Цзяи выше тебя по положению в этом доме. Немедленно извинись перед ней. А затем отправляйся чистить плащ, пока на нем не окажется ни пятнышка.

Она схватила испорченную одежду и бросила в меня. Ткань ударила по щеке и соскользнула вниз, образуя лужицу у моих ног.

У меня пропал дар речи, а внутри все сжалось от несправедливости. Я даже не могла заставить себя пошевелить руками, которые так и висели по бокам. Меня охватило дикое желание швырнуть плащ в госпожу, залить свежей тушью наряд Цзяи, а затем выскочить на улицу... Но на этом мои фантазии заканчивались.

Куда мне идти?

Когда губы госпожи Мейлин сжались в тонкую линию, я опустила голову и выдавила извинения. Потом, схватив плащ, выбежала из комнаты, понимая, что скоро не хватит сил сдерживаться.

Мне хотелось побыть одной, подальше от досужих слуг. Я начала понимать, почему мама предпочитала одиночество

в те мгновения, когда ее сердце страдало. Поэтому с ведром и куском мыла я отправилась к протекающей неподалеку реке. Ее скрывали пышные изумрудно-зеленые заросли бамбука, которые гордо тянулись к небу. Пристроившись на берегу, я принялась тереть плащ, хотя грудь сдавило так, что едва удавалось вздохнуть. Как же я скучала по дому! Клятва, данная матери, душила меня своей абсолютной бесполезностью. Ведь, не обладая магией, я ничем не могу помочь. Так что впереди меня ждало одинокое и мрачное будущее – жизнь в рабстве без надежды на какие-то изменения. Непрошенная слеза появилась в уголке глаза. Я научилась сдерживать их, моргая и делая глубокие вдохи. Но так как хотела пролиться лишь одна слезинка, я позволила ей скатиться по щеке.

– Почему ты плачешь? – раздался звонкий голос.

Вздвогнув, я резко обернулась и только сейчас увидела молодого человека, который сидел на камне неподалеку, положив локоть на поднятое колено. Как я могла не заметить его пульсирующую в воздухе ауру? Сильную, согревающую и яркую, как солнце в безоблачный день. Темные глаза блестели под широкими бровями, а кожа сияла так, словно лоснилась на солнце. Стянутые в хвост длинные черные волосы ниспадали на синий парчовый халат, перехваченный на талии шелковым поясом. Когда незнакомец спрыгнул с камня и направился ко мне, я разглядела украшенную нефритами кисточку из шелковых нитей, которая спускалась до самых колен. И он так уверенно встретил мой взгляд, что по шее

расползся жар.

– Сомневаюсь, что вычистить одежду настолько трудно, – заметил юноша, кивнув на ткань в моих руках.

– Тебе-то откуда знать? Это намного сложнее, чем кажется, – возразила я. – Но я бы никогда не стала лить слезы из-за такого. Просто... я скучаю по родным.

Как только слова сорвались с языка, мне захотелось себя ударить. Конечно же, это правда, но что подтолкнуло меня поделиться сокровенным с незнакомым человеком?

– Если ты скучаешь по родным, так возвращайся к ним. Стоило ли уезжать от них? Особенно ради такой работы, как эта? – Юноша пренебрежительно махнул на промокший плащ, а уголки его губ приподнялись.

Он что, издевается? Сегодня я больше не собиралась терпеть такого обращения.

Его высокомерие и пренебрежительность действовали мне на нервы. Да что этот незнакомец знал о моих проблемах? И кто он такой, чтобы меня судить? Я бросила красно-речивый взгляд на его одежду.

– Не все так просто. И не всем повезло поступать так, как им заблагорассудится. Да и не хочется принимать советы от того, кто не проработал ни дня в своей жизни.

Его усмешка испарилась.

– Ты ведешь себя довольно дерзко для служанки.

В голосе незнакомца слышалось больше любопытства, чем обиды.

– То, что мне приходится прислуживать другим, не означает, будто у меня нет гордости. И не стоит судить обо мне по тому, какую работу я вынуждена выполнять. – Повернувшись к нему спиной, я принялась тереть плащ еще энергичней. Я и так потратила слишком много времени впустую. А если провожусь дольше, госпожа Мейлин разозлится окончательно и мне придется провести еще одну ночь на коленях на холодной твердой земле.

Ответа не последовало, и я решила, что незнакомцу надоело меня дразнить и он ушел. Но когда обернулась, увидела, что юноша так и сидит на месте.

– Не меня ли ищешь? – рассмеялся он. Не успела я возразить, как незнакомец быстро добавил: – Ты из резиденции Золотого лотоса?

– Как ты узнал? – Я поднялась на ноги, гадая, водит ли он дружбу с госпожой Мейлин.

Незнакомец наклонился вперед и коснулся моей головы сбоку. Отпрянув, я оттолкнула его руку, отчего медная заколка в виде лотоса выпала из волос. Но не успела я даже осознать произошедшее, как незнакомец наклонился и поднял ее с травы. А затем, не говоря ни слова, вытер о рукав и прикрепил обратно к моим волосам. Казалось, юношу совершенно не волновало, что его халат испачкался.

– Спасибо, – обретя дар речи, выдавила я.

Нет, он вряд ли дружил с госпожой Мейлин. Никто из ее приятелей не стал бы помогать служанке.

– Твоя заколка, – объяснил он. – У вас ведь все слуги носят такую?

Я кивнула и, присев, вновь погрузила плащ в ручей. А сама мысленно проклинала упрямую тушь. Да и незнакомец не оправдал моих ожиданий. Он не ушел, а устроился рядом и свесил ноги с края берега.

– Почему ты так несчастна?

Я уже так давно не разговаривала с человеком, который действительно хотел меня выслушать. Поэтому настороженность, столь тщательно взращиваемая мной здесь, сторела дотла от искорки его теплоты.

– Каждое утро, когда приходит время вставать, мне совершенно не хочется открывать глаза, – начала я, слегка запинаясь, так как совершенно не привыкла делиться чувствами.

– Возможно, тебе стоит спать дольше, если так сильно устаешь, – с улыбкой заметил он.

Вот только мне было не до веселья, так что я хмуро посмотрела на него. И с чего я, глупая, решила, будто ему не все равно? Я схватила плащ и ведро, чтобы уйти, но он быстро поднялся на ноги.

– Прости, – натянуто произнес юноша, словно не привык извиняться. – Мне не стоило шутить, когда ты собиралась сказать что-то важное.

– Не стоило, – отрезала я, но беззлобно, потому что его извинения слегка успокоили негодование. Он говорил с такой искренностью и добротой, которую я не встречала с тех

пор, как покинула дом.

– Если ты не передумала, то я сочту за честь выслушать тебя.

Я никак не ожидала, что юноша склонит голову в официальном поклоне.

– Вряд ли это принесет тебе честь, но я ценю твою неуклюжую попытку польстить мне.

– *Неуклюжую?* – Настала его очередь хмуриться. – Но она сработала? – ни капли не раскаиваясь, продолжил он.

Я не смогла сдержать улыбку.

– К сожалению.

Когда между нами повисло неловкое молчание, я сорвала травинку и принялась крутить ее между пальцами.

– Так почему ты боишься нового дня? – поинтересовался он.

Я завязала на травинке узел, а затем еще один. Оказалось легче смотреть на нее, чем на незнакомца.

– Потому что новый день не принесет ничего хорошего. Я настоящая неудачница, и, что бы ни делала, как бы ни старалась, это не изменится. Ты когда-нибудь чувствовал подобное? Ощущал себя беспомощным?

И вновь я вела себя глупо. Такому, как он, никогда не понять моих чувств.

– Да, – ответил юноша.

– Серьезно?

Конечно, я не сомневалась в его словах, но он относил-

ся к тем любимчикам судьбы, которых щедро благословили небеса. Я ничего не знала о нем, но его внешний вид, изысканная одежда и самоуверенное поведение свидетельствовали о привилегиях отчетливее, чем родословная или титул.

Незнакомец откинулся назад, уперев ладони в траву.

– У каждого есть свои проблемы: но если одни демонстрируют их, то другие скрывают. Что же касается меня, я стараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы преодолеть препятствия, даже если удастся продвинуться всего на полшага. Кто знает, вдруг даже это поможет все изменить?

Его слова задели какую-то струну в моей душе. Я ругала себя за слабость, но разве она была причиной бездействия? В последние месяцы я стала тенью самой себя. Опустошенная горем и погрязшая в жалости к себе. Да, у меня не осталось сил и поддержки в виде друзей и семьи. Но даже когда нас с Пин'эр преследовали солдаты, я *не* ощущала себя беспомощной. А вместо того чтобы смиренно ждать, когда нас нагонят, пошла на безумный риск. Так почему ничего не делаю здесь? Почему довольствуюсь безопасностью, платя за это своим достоинством и мечтой? Может, я не смогу изменить все в один миг, но, делая маленькие шаги, подталкивая себя вперед, в конце концов сумею проложить новый путь до дома.

На меня неожиданно обрушилось такое желанное облегчение, что даже закружилась голова. И я мысленно поблагодарила этого вежливого и доброго незнакомца со странными

манерами, хоть некоторые его слова и обидели меня. Да, мое положение все еще оставалось ужасным, однако дух пусть и оказался изранен, но не сломлен. Возможно, мне помогло то, что на меня взглянули как на личность. Что я *сама* так взглянула на себя. И вспомнив, что за пределами резиденции Золотого лотоса продолжается жизнь, я разорвала этот порочный круг страданий, в который сама себя загнала, когда решила, что только это поможет мне выжить.

– Я бы уехала хоть завтра, но мне некуда идти, – горячо призналась я.

– А как же твоя семья? Друзья? Разве они не могут помочь?

Я постаралась скрыть эмоции. Мама и Пин’эр для меня потеряны.

– У меня никого нет.

– Твои родители... умерли? – осторожно спросил он.

Я содрогнулась от этих слов, жалея, что заговорила о маме. Смертные верили, будто, произнося подобное вслух, навлекают несчастье. А сейчас слишком много страхов окутывало мое сердце, слишком многое могло пойти не так.

Выражение его лица смягчилось.

– Прости, – тихо сказал он, приняв мое молчание за ответ.

Чувство вины тяжелым грузом придавило язык. Мне не хотелось лгать, а сказать ему правду я не могла. Но больше всего терзало его сочувствие, на которое я не имела права. Я открыла рот, чтобы поправить юношу и произнести слова,

которые бы развеяли его сострадание и вновь сделали равнодушным незнакомцем, но мой порыв оборвал звук шагов.

К нам, шурша парчой, приближалась госпожа Мейлин. Я вскочила на ноги, стараясь побороть знакомый страх. Воздух поплыл от жара ее ауры, а гнев волнами расходился во все стороны. Я прекрасно научилась определять стадии ее дурного нрава, и, судя по пятнам на ее щеках, она уже разъярилась.

– Синьинь! Сколько времени тебе требуется, чтобы отчистить одно маленькое пятнышко?

Я вздрогнула от ее резкого тона, но даже не подумала склониться, отвести взгляд или пробормотать извинения.

И мое молчание, казалось, еще больше разозлило ее.

– Как ты смеешь бездельничать здесь и болтать с чужаками?

Она бросила презрительный взгляд на моего нового знакомого, и тут произошло нечто странное и удивительное. Ее лицо побледнело, а с губ сорвался вздох. Упав на колени, она соединила ладони перед собой и согнулась в официальном поклоне перед парнем, который успел подняться с земли и встать рядом со мной.

– Госпожа Мейлин приветствует Его Высочество наследного принца Ливея. – Ее голос стал сладким, словно мед. – Если бы я знала, что вы окажете нам честь своим визитом, мы бы подготовили надлежащий прием.

Мне бы тоже следовало опуститься на колени, но я про-

должала с недоверием смотреть на парня. Почему он не сказал, кто такой? «Но он и не лгал», – напомнила я себе.

Хотя сейчас учтивый молодой человек, которому я доверилась, пропал, а на его месте возник уверенный в своей власти господин. Он возвышался над нами, заложив руки за спину, и с безразличным выражением лица. Если бы я увидела его сразу именно таким, то, наверное, тут же убежала бы.

Он равнодушно кивнул, соблюдая правила этикета.

– Госпожа Мейлин, что совершила эта девушка, чтобы заслужить такой суровый выговор?

Тихий вздох сорвался с губ юной госпожи, а плечи опустились. Сейчас она казалась хрупкой и прекрасной, словно роза, лишенная шипов.

– Ваше Высочество, я всегда относилась к своим слугам как к членам семьи. И то, чему вы стали свидетелем несколько минут назад, – всего лишь вспышка гнева, вызванная постоянными проступками этой служанки.

Из моего горла вырвался сдавленный вздох. А на лице принца Ливея не отразилось ни единой эмоции. Неужели он поверил ей? И почему от этой мысли у меня испортилось настроение?

– Что же за проступок она совершила? – В его голосе слышались приятные нотки, но он до сих пор не разрешил госпоже Мейлин подняться.

– Она испортила мою любимую одежду и попыталась со-

лгать, чтобы увильнуть от наказания.

– Я не лгала! – воскликнула я, позабыв о приличиях.

Спина принца Ливея слегка напряглась. Может, он начал жалеть, что влез в эту бытовую ссору? Но именно так проходили мои дни в резиденции Золотого лотоса: непрерывный поток мелочных придирок, которые терзали и изматывали меня. «Но больше я не стану это терпеть», – решила я. Встреча с принцем – какой бы необъяснимой она ни казалась – напонила мне, что я не должна покорно идти по размеченному для меня пути. А стоит искать любую выгоду и преимущества, даже в случайном знакомстве с человеком столь высокого положения.

– Ты видела, как она испортила одежду? – спросил принц у госпожи Мейлин.

Несколько секунд она обдумывала ответ.

– Нет, но слышала от...

Его рука взлетела вверх, обрывая ее.

– Госпожа Мейлин, на мой взгляд, вы обвиняете людей, даже не разобравшись в ситуации.

Он забрал у меня плащ и посмотрел на пятно, которое, несмотря на мои усилия, ни капли не уменьшилось. Воздух потеплел, а золотистый свет заструился от его ладони к шелку. И через мгновение пятно исчезло, а ткань высохла, словно ее вовсе не мочили.

Как же сильна его магия! И как легко он ею управлял. Как бы мне хотелось добиться такого мастерства. Ветер,

унесший Пин'эр в безопасное место, казался далеким сном. Если его и вызвала я, то понятия не имела, как сделать это снова. Закрывая глаза, я все еще видела дразнящие огоньки, но, как только протягивала к ним руку, они тут же исчезали. Да и мои попытки выглядели нерешительными, потому что при виде огоньков меня пронзали страх и угрызения совести. Если бы я не привлекла внимания императрицы, то не пришлось бы уезжать из дома и, вероятно, Пин'эр когда-нибудь поведала мне, как использовать свои способности. «Какой толк от магии, если ей невозможно обучиться?» – с горечью подумала я. Да и надежды, что удастся развить свои способности здесь, ничтожно малы.

В резиденции Золотого лотоса лишь избранных слуг обучали управлять магией для выполнения простейших заданий по хозяйству. А стражников натаскивали на защитные и атакующие заклинания, от выставления щита до метания огненных или ледяных стрел. Так что всем остальным предстояло трудиться как простым смертным. Правда, стоило признать, что большинство слуг обладало слабой жизненной энергией и вряд ли могло достаточно окрепнуть, чтобы подняться выше в иерархии бессмертных.

Возможно, это относилось и ко мне, но в глубине души я так не считала. Ведь именно мои способности привлекли внимание Небесной империи. Они стали моим проклятьем, но вдруг я смогу превратить их в преимущество... если найду кого-то, кто согласится меня обучать.

Принц Ливей передал совершенно чистый плащ госпоже Мейлин.

– Надеюсь, теперь нет необходимости кого-то ругать. – В его голосе появились жесткие нотки. – Любой из старших слуг или даже вы сами могли бы исправить все, не прибегая к подобным мерам. Такое надменное поведение создает о вас не очень хорошее впечатление.

Два красных пятна вспыхнули на щеках госпожи Мейлин. Отчасти меня радовало, что ей сделали выговор, но что случится, когда принц уйдет? Внезапно до нас донесся голос отца госпожи Мейлин, отчего мое беспокойство возросло втрое.

– Ваше Высочество, – спеша к нам, произнес он.

Видимо, бдительные слуги предупредили его о появлении наследного принца. Опустившись на колени, отец госпожи Мейлин коснулся лбом земли в официальном поклоне.

– Если моя дочь или эта служанка обидели вас, молю о прощении.

– Меня разочаровало, как госпожа Мейлин обращается со своими прислужницами, – сказал принц. – Такому поведению нет места при моем дворе. Поэтому я планирую отозвать ваше приглашение в императорский дворец для выбора моей напарницы.

Я подавила вздох. С тех пор как госпожа Мейлин стала кандидаткой, она только об этом и говорила. Наследный принц организовал конкурс, чтобы выбрать напарни-

ка для учебы. Не это ли он имел в виду, когда говорил, как старается сделать хотя бы полшага, чтобы преодолеть сдерживающие препятствия? Может, он устал от своих друзей во дворце? Поговаривали, что принц хотел предоставить эту возможность для всех людей в империи, но ему не разрешили. И поставили условие, что каждому кандидату должен покровительствовать знатный дом. А те выдвинули только своих родственников.

Отец госпожи Мейлин побледнел. Оказаться вычеркнутым из списка – настоящее унижение. И все, конечно же, начнут сплетничать о том, почему его дочь признали безнадежной.

– Прошу, простите ее, Ваше Высочество, – взмолился он. – Дочь стала бы настоящим цветком, украшающим ваш двор, если бы ей выпала честь оказаться там.

И тут у меня возникла смелая идея. Скорее, даже дерзкая. Но, возможно, мне больше никогда не представится такого шанса. «Не прислуживать капризной хозяйке, обучаться с принцем Ливеем, наловчиться использовать свои силы...» – У меня в горле пересохло от этих мыслей. Возможно, я даже смогу помочь матери.

Я опустилась на колени и неуклюже поклонилась.

– Ваше Высочество, прошу, не отзывайте приглашение госпожи Мейлин. Но... – Слова застряли в горле, как острая рыбья кость.

Он молча ждал продолжения, и его терпеливость успока-

ивала мои расшатанные нервы.

Проведя языком по губам, я набралась смелости и сказала:

– Я тоже хотела бы участвовать.

Госпожа Мейлин и ее отец даже глаза выпучили.

Они считали меня пустым местом, недостойной такой чести. И мне, не привыкшей выставлять себя напоказ, захотелось провалиться сквозь землю... Но сейчас имело значение лишь мнение принца Ливея. Он моргнул и, кажется, впервые с момента нашей встречи не знал, как себя вести.

– Почему? – протянул принц.

Отец госпожи Мейлин надеялся установить более тесные связи с императорской семьей. И даже шептались, что она способна завоевать расположение принца. Но меня это мало волновало. Конечно, на секунду мелькнула мысль польстить принцу, но я решила говорить от чистого сердца. Как и говорила с ним до того, как узнала, кто он такой.

– Ваше Высочество, вы бы оказали мне огромную честь, разрешив находиться в вашем обществе, но я хочу не этого, а...

Он постучал пальцем по подбородку, а его губы дрогнули.

– Ты *не* хочешь находиться в моем обществе?

– Нет, Ваше Высочество. Вернее, да! Да, я действительно хочу находиться в вашем обществе, – запинаясь, пробормотала я. – Но больше всего на свете мне хочется учиться *с вами* у величайших мастеров империи. – Я замолчала, прокли-

ная себя за то, что не удастся подобрать нужные слова.

«Он откажется», – в отчаянии подумала я. Но чувствовала бы себя намного хуже, если бы не попыталась.

Принц Ливей замер, словно обдумывал мой ответ.

– Я позволю вашей дочери остаться кандидатом, – наконец сказал он отцу госпожи Мейлин, – но при одном условии: вы станете покровителем и для этой девушки.

Надежда воспарила в груди, как воздушный змей, подхваченный ветром.

– Ваше Величество, но она – простая служанка, – запротестовал отец госпожи Мейлин.

– То, что мы делаем, не отражает того, кем мы являемся, – перефразировал принц мои слова, а его взгляд стал стальным, чего совсем не ожидаешь от человека столь юного возраста. – Либо вы станете покровителем для них обеих, либо во дворец императора не попадет ни одна из них.

– Да, Ваше Высочество. – Отец госпожи Мейлин согнулся в поклоне, а принц Ливей скрылся среди бамбука.

После его ухода на берегу воцарилось напряженное молчание. Я собрала вещи, намереваясь уйти как можно быстрее, но отец госпожи Мейлин остановил меня взмахом руки.

– Откуда ты знаешь наследного принца? – требовательно спросил он.

– Я встретила его только сегодня, – честно ответила я.

Хозяин посмотрел на меня, поглаживая бороду.

– Почему его так интересуется твое благополучие? – вслух

поинтересовался он, не найдя в моей внешности ничего, что могло бы подтолкнуть сына императора встать на мою защиту.

Я бросила взгляд на госпожу Мейлин, чье лицо все еще горело от ярости и унижения. Мне не хотелось сыпать соль на ее раны, так что пришлось тщательнее подбирать слова.

– Он увидел, как я плачу, и, думаю, просто пожалел меня.

И тут меня осенило, что, скорее всего, так оно и было.

Отец госпожи Мейлин кивнул и отослал меня взмахом руки. Жалость к кому-то вроде меня была для него совершенно естественна.

Я поклонилась и, извинившись, улетела прочь. Мои шаги казались легче парящего перышка. Нет, я не обманывалась и понимала, что только чудо помогло бы мне победить в отборе. Но то, что я смогла воспользоваться этой возможностью, приносило сильнейшее удовлетворение. Даже если я проиграю. Даже если меня выгонят из резиденции Золотого лотоса. Этот проблеск надежды стал глотком свежего воздуха в моем застоявшемся существовании. Воодушевившись тем, как все разрешилось, я шла обратно, подняв голову чуть выше. Я больше не ребенок, который покорно плывет по течению... а та, кто готов плыть против него, если это потребует. И если по какой-то нелепой случайности мне удастся победить, больше никто не посчитает меня беспомощной.

Глава 4

Даже во сне меня преследовали видения, что ничего не получится. Поэтому, скинув одеяла, я встала, чтобы подготовиться к новому дню. Всем кандидатам выдали по комплекту одежды и табличке из сандалового дерева с написанным на ней именем. Я надела шелковый халат цвета абрикоса и повязала вокруг талии желтый парчовый пояс. А сверху набросила плащ из просвечивающей ткани оттенков рассвета. Ниспадающие рукава доходили до запястий, а подол спускался до лодыжек. Пальцы скользнули по легкой и мягкой ткани, в которой едва заметно мерцали нити. Я не носила одежду из такого тонкого шелка с тех пор, как покинула дом. Так и не научившись делать сложные прически, я собрала волосы в хвост и перекинула его за спину.

Затем подняла деревянную табличку и прикрепил ее к поясу. А после обвела пальцем вырезанные буквы своего имени:

星银

Серебряная звезда – постоянный спутник Луны. «Мама, – подумала я, – сегодня ты будешь гордиться мной». Я направилась к дверям, стараясь скрыться от тяжелых взглядов дру-

гих девушек, которые только поднялись с кроватей.

– Не привыкай к Нефритовому дворцу. Ты скоро вернешься сюда, – насмешливо крикнула Цзяи.

Я остановилась у двери, но не стала оборачиваться.

– Спасибо за добрые пожелания, Цзяи, – сказала я настолько учтиво, насколько смогла. – Если я и вернусь, то только чтобы забрать свои вещи. Постарайся получше ухаживать за одеждой госпожи Мейлин. И ради своего же блага держи ее подальше от тушечницы².

Я зашагала прочь с высоко поднятой головой, при этом радуясь, что Цзяи не видит моего лица. Несмотря на столь смелое заявление, я и сама отчасти считала, что ее подлое предсказание сбудется. Но после встречи с принцем у реки не собиралась больше притворяться, будто меня не задевают их слова, или держать язык за зубами, чтобы никого не оскорбить.

Выйдя за ворота, я вдруг поняла, что не знаю дороги к Нефритовому дворцу. Даже если заставлю себя спросить путь у госпожи Мейлин, она ни за что мне не поможет. Я подняла голову и посмотрела на небо. Нефритовый дворец парил в облаках над империей. И его оказалось совсем нетрудно найти.

Когда я раньше выходила на улицу, то у меня не хватало времени даже просто осмотреться по сторонам. А ведь во круг располагались великолепные поместья самых могуще-

² Тушечница – плоская тарелочка, на которой растирают и смешивают тушь.

ственных бессмертных империи. При строительстве домов с многоярусными крышами использовали редкие породы дерева и блестящую черепицу. А дома с элегантно изогнутыми крышами возводили из полированного камня. Вокруг них росло множество деревьев и кустарников редких малиновых, аметистовых, изумрудных и алых оттенков. Земли Небесной империи напоминали сад вечной весны. Цветы не склоняли бутоны, листья не увядали. Даже трава мерцала ярко-голубым светом, отражая ясное небо над головой, словно и земля, и небо представляли собой единое целое.

Лестница из чистейшего белого мрамора, ведущая во дворец, исчезала среди облаков. Поднимаясь по ступеням и держась за перила, я рассматривала замысловатую резьбу на балюстраде, изображающую феникса. А когда достигла вершины, замерла от открывшегося вида. Янтарные колонны поддерживали великолепную трехъярусную крышу из нефрита цвета зеленой травы. На каждом из ее углов величественно восседали золотые драконы со светящимися жемчужинами в зубах. Они выглядели настолько реалистично, что казалось, будто ветер колышет их гривы. Белые стены из камня украшали сверкающие кристаллы, напоминавшие звезды на фоне облаков. По бокам от входа стояли бронзовые курьельницы для благовоний, усыпанные драгоценными камнями, из которых вились струйки сладковатого дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.